

Восьмое воскресенье после Троицы

Мф. 5: 13 – 16.

Три предыдущих воскресенья мы с вами говорили о том, что делает Бог. О том, что мы, люди, христиане, делать не можем. Что нам не по силам. Что не в нашей власти. Но сегодня у нас другая тема, сегодня мы будем говорить о том, что мы, как христиане, должны делать. О том, к чему мы, как христиане, призваны. Однако парадоксальным образом эта проповедь об обязанностях будет проповедью о свободе. Почему? Да потому что христианская весть - это весть об освобождении. И никак иначе.

Тем не менее, если три воскресенья подряд мы с вами могли расслабляться, наслаждаясь тем, что Бог всю работу по нашему спасению взвалил на собственные плечи, и нам в этом плане делать ничего не надо, то сегодняшняя проповедь, судя по озвученной теме, должна быть для нас несколько напряженной, несколько неудобной и, может быть, даже несколько занудной.

Занудной потому, что мы как будто вновь возвращаемся во времена своего детства, когда все вокруг, дома и в школе, только и твердили: вы должны то, вы должны сё. И нас это напрягало, нам хотелось свободы от этих навязчивых нравоучений. Мы мечтали поскорее освободиться от всевозможных учителей и жить своим умом. Как нам представлялось: жить легко и успешно.

Конечно, взрослая жизнь внесла существенные коррективы в наши детско-юношеские планы, но, тем не менее, нам по-прежнему неприятно, когда от нас начинают что-то требовать. Мы, конечно, подчиняемся этим требованиям, например, на работе. Но вдали от начальственных ушей не перестаем ворчать по поводу всяких дурацких правил и распоряжений.

И вот мы во Христе - и нам во Христе обещана свобода. Сам Господь обещает нам, что мы можем стать истинно свободными, только уверовав в Него, только приняв Сына Божия. (Ин. 8:36) Однако, что мы видим на самом деле? В Нагорной проповеди Христос, как кажется, ещё более сужает рамки нашей свободы, ещё более ужесточает заповеди. Требования к Своим последователям у Него ещё строже. Как же это понимать? Как согласовать свободу с необходимостью выполнять множество требований? Как увязать обещание освобождения с кажущимся ещё большим рабством?

Вы же знаете, атеисты нас, христиан, высмеивают, в том числе за то, что мы добровольно провозгласили себя рабами Божьими. Но раб не свободен, само понятие рабства начисто исключает любую свободу.

Однако согласитесь, есть разница между насильственным рабством и добровольным рабством. И разница здесь кардинальная. Поскольку насильственное рабство – это всегда акт несвободы, акт насилия, акт надругательства. В то время как рабство добровольное – это всегда акт личной свободы, поскольку выбор делается свободно и добровольно. Когда мы говорим о том, что мы рабы Божьи, это всегда подразумевает наш свободный выбор. Другими словами, рабство Богу – это осуществление свободы воли. Я бы даже сказал – её высшее проявление, поскольку добровольный отказ от свободы сам по себе предполагает неограниченную свободу человека. Отказаться от свободы может только свободный человек. Раб не может отказаться от свободы, ибо нельзя отказаться от того, чего у тебя нет.

Это одна сторона вопроса. Есть и другая сторона, для неверующего человека непонятная, даже парадоксальная. заключающаяся в том, что рабство Богу само по себе есть высшая свобода для человека. Раб Божий свободнее любого атеиста, он вообще ничем не связан. Ему, как пишет апостол Павел, позволительно вообще всё. Однако не всё полезно. И вот это ограничение, которое христианин на себя добровольно принимает, есть по сути своей отказ от того, что ему вредит. Отказ от того, что для него не полезно. И в конечном итоге это отказ от несвободы, поскольку то, что нам вредит, делает нас рабами. Попробую показать это на примере.

Можем ли мы, скажем, назвать рабом человека, который для того, чтобы сохранить своё здоровье, добровольно отказывается есть жареную или копчёную пищу? Ведь он отказывается не потому, что он не может этого есть, а как раз потому, что может – свободен есть что угодно. Но вот именно эта пища ему вредит, эта пища ограничивает его свободу. Каким образом? Да просто, если он это будет это есть, то пострадает его организм. А если пострадает организм, то это ограничит его свободу. Ведь он уже не сможет делать что-то, что мог делать тогда, когда был здоров. А всякое ограничение способности – это ограничение свободы.

Итак, мы видим, что в этом случае добровольное ограничение, принятое человеком, служит не для порабощения, а, наоборот – для свободы. И то же самое в случае, когда человек добровольно отдаёт себя в рабы Богу. Этот его шаг также ведет не к порабощению, а к свободе.

И здесь мы переходим к вопросу о том, что любая свобода подразумевает ответственность. Чем больше свободы, тем больше ответственности. Давайте рассмотрим это утверждение на примере учения анархистов.

Вы все слышали, что есть такие люди – анархисты, верно? Для многих из нас понятие анархизма неразрывно связано с некоторыми, навязанными нам, живущим в России людям, стереотипами мышления. Кто такие анархисты для нас? – И сразу в голову приходит Батька Махно, начальник его контрразведки Лёва Задов, ничем не ограниченная вольница, грабежи, насилие, право сильного, беззащитность слабого и т.д. Этот образ сформирован в нас соответствующими советскими фильмами и книгами о Гражданской войне.

Но на самом деле все не совсем так, или даже совсем не так, по крайней мере, в теории. На самом деле учение анархизма подразумевает свободу от государственного аппарата подавления, но при этом – перекладывает обязанности этого аппарата на плечи каждого человека. Всякая власть является насилием и это трудно оспорить. Но анархизм предлагает не просто упразднение всякой власти и любой формы государственного аппарата, а возложение их обязанностей на каждого свободного и сознательного члена общества. В теории анархизма все люди принимают на себя ответственность за порядок в обществе, за справедливое распределение благ и т.д. То есть на самом деле анархизм – это не вседозволенность, а наоборот – всеобщая ответственность. Если в современном государстве для наблюдения за соблюдением общественного порядка существует полиция, и мы всегда можем сказать – «это не наше дело, пусть полиция разбирается», то в анархистском сообществе каждый человек ответственен за это. Уже никто не может сказать, что это не его дело, это не его сфера ответственности. И звучный анархистский лозунг «Анархия мать порядка» как раз и означает, что ответственность за порядок в обществе несут все члены общества, всё общество коллективно этот порядок обеспечивает.

Свобода во Христе или христианская свобода также не является вседозволенностью, но принятием на себя ещё большей ответственности. Ответственности в первую очередь за самого себя, за собственные слова и поступки. Но также и за окружающий тебя мир. Ты уже не можешь сказать, что, например, помощь нуждающимся - это не твое дело и пусть этим занимаются всевозможные благотворительные организации. Нет, это теперь и твое дело тоже, которое ты добровольно и свободно принимаешь на себя.

Ведь христианином человека делает не крест на шее и не электронная Библия, забитая в смартфон. Христианство – это свободный выбор ответственности, если хотите – образа жизни, в которой всё подчинено Христу, включая саму жизнь. Можно назвать это добровольным рабством, а можно назвать осуществлением высшей свободы. Слова ничего не значат, все дело в том смысле, который в эти слова вкладывается. И в христианском смысле добровольное рабство Богу является синонимом освобождения от рабства. Помните этот знаменитый лютеровский парадокс из его трактата «Свобода христианина»: «Христианин является совершенно свободным господином всего сущего, и не подвластен никому; христианин является покорнейшим слугой всего сущего, и подвластен всем»?

Эти слова Лютера служат хорошим примером истины о том, что большая свобода подразумевает большую ответственность. И чем свобода больше, тем выше ответственность. Абсолютная свобода подразумевает абсолютную ответственность.

Абсолютная свобода есть только у Бога. И смотрите, что делает абсолютно свободный Бог, понимая, что абсолютная свобода есть абсолютная ответственность. Вот как описывает это Священное Писание, говоря о Христе: **«Он уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной».** (Фил.2:7,8)

Это пример высшей свободы.

Или другой пример, о котором писал апостол Павел, рассуждая о пище, посвященной идолам. Была проблема в церкви: можно ли есть пищу, которая была принесена в дар языческим богам? Многие говорили – нет, ни в коем случае! Однако апостол смотрел на этот вопрос иначе. Что такое идол? – спрашивает Павел. И сам же отвечает: идол – ничто. Свободен ли я есть такую пищу? – задаёт он следующий вопрос. – И отвечает: без всяких сомнений, нет абсолютно никаких препятствий для меня в этом смысле. Но моя свобода в этом вопросе, продолжает далее святой Павел, возлагает на меня определенную ответственность. Ответственность не послужить соблазном для немощных братьев. В данном случае под «немощными» апостол подразумевает тех христиан, для которых имело значение то, что эта пища посвящена идолам, и, вкушая её, они терзались тем, что совершают что-то нехорошее. И только для того, чтобы освободить их от их сомнений и терзаний апостол готов не есть мяса вовек. Обратите внимание: не потому, что это запрещено, а потому что такова цена свободы. Ты свободен, но эта свобода связывает тебя узами ответственности.

Мы, лютеране, стараемся делать поменьше запретов. За это нас часто многие осуждают, вы знаете. Да, это в чём-то похоже на осуждение апостолов, да и самого Христа иудеями за то, что они были свободны в понимании некоторых норма закона. Но и мы сами, лютеране, должны чётко осознавать, что наша свобода одновременно является и нашей ответственностью перед «немощными братьями». Отсутствие контроля церкви над нами подразумевает не вседозволенность, а постоянный самоконтроль. А это всегда гораздо сложнее. Аминь.